

Игнорирование правовой сущности категории негласности, отсутствие четкого определения структуры оперативно-розыскной деятельности и ее юридической природы привело к тому, что в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран примерно с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. появились так называемые негласные следственные действия. По сути те же негласные оперативно-розыскные мероприятия, но позволяющие непосредственно использовать их результаты как процессуальные доказательства. Это чревато потенциальными возможностями злоупотребления правом, нарушениями конституционных прав и свобод граждан, что, по нашему мнению, в современных условиях недопустимо. В подтверждение сошлемся на мнение, высказанное еще в 1995 г. нашим российским коллегой, тогда доцентом Академии ФСБ России Е.А. Долей, по поводу проекта общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «В условиях, когда оперативно-розыскная деятельность все более ориентируется на решение задач по обеспечению безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, возникает объективная потребность в расширении использования ее результатов в уголовном процессе. В связи с этим особую тревогу вызывает содержащееся в проекте отождествление результатов данной деятельности с доказательствами. Основанное на ошибочной методологической посылке, которая допускает собирание (формирование) доказательств по существу за пределами уголовного процесса, это отождествление открывает возможность для прямого использования любых результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам. Что недопустимо, особенно в условиях отсутствия предусмотренной уголовно-процессуальным законом системы гарантий их доброкачественности, соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса» [3, с. 89]. Актуальность этой точки зрения сложно оспаривать и в современный период.

В заключение полагаем возможным предложить провести научную дискуссию по вопросу необходимости и полезности разработки отдельных законопроектов об оперативно-розыскной деятельности государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, завершив ее соответствующей ведомственной научно-практической конференцией.

1. Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Комментарий / под ред. А.Ю. Шумилова. М. : Юрид. лит., 1994. 128 с.

2. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2005. 39 с.

3. Доля, Е.А. Проект общей части УПК Российской Федерации: критический анализ // Государство и право. 1995. № 5. С. 83–92.

УДК 349.6

Т.В. Гашикова, кандидат юридических наук, начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ ОХРАНЫ ПО ЗАКОНАМ ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ БЕЛАРУСИ И ШВЕЙЦАРИИ

Один из обсуждаемых вопросов в науке экологического права связан с эколого-правовым статусом человека, в частности местом отношений по охране жизни и здоровья человека в предмете экологического права. Данная тема исследовалась Т.И. Макаровой [1], С.А. Боголюбовым [2], Н.И. Махонько [3], Т.В. Рогожкиной [4], А.Д. Князькиным [5], И.О. Валитовым и О.К. Валитовым [6], М.В. Пономаревым [7] и др. Обращение ученых к данной проблематике обусловлено недостаточно четкой регламентацией соответствующих правоотношений в законодательстве, стремлением придать отрасли экологического права большее значение для реализации важнейших экологических прав граждан, связанных с охраной жизни и здоровья.

Правовые основы охраны окружающей среды, природопользования, сохранения и восстановления биологического разнообразия, природных ресурсов и объектов в Республике Беларусь установлены Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды). Связь охраны окружающей среды и охраны жизни и здоровья людей декларируется в его преамбуле: закон направлен на обеспечение конституционных прав граждан на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду.

Однако охрана жизни и здоровья граждан как цель и задача деятельности по охране окружающей среды в нормах закона прямо не закреплена.

В качестве отдельной основной задачи законодательства Республики Беларусь об охране окружающей среды в ст. 3 Закона об охране окружающей среды выделяется предотвращение вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду (т. е. на совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов), но не предотвращение вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на жизнь и здоровье человека.

Согласно ст. 5 Закона об охране окружающей среды объектами отношений в области охраны окружающей среды являются земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, околоземное космическое пространство, леса, растительный и животный мир в его видовом разнообразии, особо охраняемые природные территории и природные территории, подлежащие специальной охране, национальная экологическая сеть, биосферные резерваты, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы, климат, естественные экологические системы, иные природные объекты, а также право природопользования. Указание на человека как объект отношений в области охраны окружающей среды отсутствует.

Вместе с тем согласно ст. 4 Закона об охране окружающей среды одним из основных принципов охраны окружающей среды является обеспечение благоприятных условий для жизни и здоровья граждан. Ряд иных статей в том либо ином контексте содержат указание на жизнь и здоровье граждан.

Несмотря на то что отдельные формулировки Закона об охране окружающей среды все же свидетельствуют об осуществлении деятельности по охране окружающей среды в целях охраны жизни и здоровья человека, важные и существенные вопросы, касающиеся экологических прав граждан, на практике могут оставаться частично либо полностью неурегулированными ввиду того, что место отношений по охране жизни и здоровья граждан в законе четко не определено.

Применительно к правовому механизму, играющему важнейшую роль в обеспечении конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду – нормирования в области охраны окружающей среды, обратим внимание, что его цель определена в ст. 18 Закона об охране окружающей среды следующим образом: нормирование в области охраны окружающей среды осуществляется в целях государственного регулирования воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, гарантирующего сохранение благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности.

В то же время в отношении легально закрепленного определения термина «благоприятная окружающая среда» в литературе обращается внимание на недостаточно конкретный характер имеющегося определения [8, 9].

Исходя из буквального толкования норм Закона об охране окружающей среды ответ на вопрос, должно ли осуществляться нормирование качества окружающей среды, допустимых воздействий на окружающую среду, основываясь на необходимости безусловного обеспечения безопасности факторов окружающей среды для жизни и здоровья человека, не однозначен.

«Расплывчатость» формулировок, на наш взгляд, не способствует задействованию в полном объеме потенциала нормирования в области охраны окружающей среды для охраны жизни и здоровья граждан, сохранению окружающей среды, безопасной для человека.

Т.И. Макарова обращает внимание, что «традиционный подход не позволяет видеть в полном объеме правовое положение человека как главного действующего лица экологических отношений – лица, в интересах которого осуществляется правовое воздействие на область окружающей среды», и указывает, что «системообразующей категорией экологического права является эколого-правовой статус физических лиц, и, в связи с этим, конечная цель правовых мер по охране окружающей среды заключается в обеспечении экологической безопасности человека» [1, с. 2, 9].

Анализируя цели охраны окружающей среды, продекларированные в российском законодательстве, нормы которого в данной части по ряду позиций сходны с нормами белорусского законодательства, С.А. Боголюбов указывает: «Трудно поверить, что законодатель, предусмотрев многочисленные требования к качеству природной среды, к природопользованию (не является же оно прагматической самоцелью), отказался от идеи охранять окружающую природную среду даже не с сопутствующей, а с главной задачей – обеспечить здоровье и жизнь человека [2, с. 137].

В рассматриваемом контексте правильным представляется его вывод о том, что «гласное доктринальное, законодательное и иное признание здоровья целью экологического права, охраны окружающей среды будет способствовать природоохранным усилиям общества. Жизнь и здоровье человека – основная цель охраны окружающей природной среды, всего экологического права» [2, с. 140]. Н.И. Махонько и М.В. Пономарев об обязанности национального законодателя создавать правовые механизмы охраны жизни человека, включая охрану от неблагоприятных воздействий окружающей среды на его здоровье [3] и об обоснованности включения человека, его здоровья, экологических интересов в систему объектов охраны окружающей среды, объектов экологических правоотношений [7, с. 151].

Для поиска верного способа правового регулирования представляется правильным обратиться к средствам сравнительного правоведения как способу решения научно-практических задач, используемому для совершенствования законодательной и правоприменительной практики [10, с. 85].

Обращение к зарубежным правовым актам позволяет взглянуть на национальное законодательство с учетом международного опыта, сде-

лав более объективные выводы о целесообразности либо отсутствии необходимости совершенствования правовых норм.

В качестве примера удачного разрешения вопроса, связанного с охраной жизни и здоровья человека от неблагоприятных воздействий хозяйственной и иной деятельности, видится правильным рассмотреть Федеральный закон Швейцарской конфедерации от 7 октября 1983 г. об охране окружающей среды [11]. Согласно ст. 1 данный закон имеет целью защитить людей, животных и растения, их биоценозы и биотопы от вредного или беспокоящего, неприятного воздействия и сохранить натуральные ресурсы, в особенности биологическое разнообразие и плодородие земли. Исходя из ст. 7 под воздействием понимаются загрязнение атмосферы, шум, вибрация, излучение, загрязнение воды и другие вмешательства, повреждение почв, изменение генетических организмов или биологического разнообразия, которые являются следствием строительства или эксплуатации сооружений, использования субстанций, организмов или отходов или использования земли. Загрязнение атмосферы, шум, вибрация и излучения именуется выбросами. При этом под загрязнением атмосферы понимаются модификации естественного состояния воздуха, вызванные, в частности, дымом, сажей, пылью, газами, аэрозолями, парами, запахами или термическими выбросами. Инфразвук и ультразвук приравниваются к шуму.

Иные статьи Федерального закона Швейцарской конфедерации подчинены цели, продекларированной в ст. 1, и предусматривают конкретные меры (вплоть до ответственности) по регулированию деятельности, являющейся источником вредного или беспокоящего, неприятного воздействия. В частности, в соответствии со ст. 12 выбросы, т. е. загрязнение атмосферы, шум, вибрация и излучения, ограничиваются посредством применения значений лимитов выбросов, материалов для строительства и оборудования, термической изоляции жилых зданий, топлива и двигателей.

Значения лимитов выбросов загрязнителей атмосферы фиксируются таким образом, чтобы согласно данным науки и имеющегося практического опыта воздействие загрязнителей не угрожало людям, животным и растениям, их биоценозу и биотопам; не влияло негативно на хорошее самочувствие населения; не наносило ущерб недвижимости; не вредило плодородию почв, здоровым условиям произрастания на них (ст. 14).

Из норм Федерального закона Швейцарской конфедерации об охране окружающей среды явно следует, что охрана окружающей среды осуществляется в первую очередь в целях охраны человека, его жизни и здоровья.

Нормы Закона об охране окружающей среды изложены таким образом, что возникает вопрос: так каковы же на самом деле цели охраны окружающей среды? Это порождает дискуссии в науке экологического права о роли норм экологического права в деле охраны жизни и здоровья человека. Высказываются позиции о пробеле в экологическом законодательстве в части отсутствия четкой фиксации в правовых нормах охраны жизни и здоровья граждан как цели охраны окружающей среды.

Принимая во внимание позиции ученых, а также имеющийся в пользу граждан зарубежный опыт правового регулирования, представляется верным в науке экологического права рассматривать охрану жизни и здоровья человека важнейшей целью деятельности по охране окружающей среды, а безопасность факторов окружающей среды для жизни и здоровья человека – одним из основных критериев при осуществлении нормирования качества окружающей среды и допустимого воздействия на окружающую среду.

1. Макарова Т.И. Теоретические проблемы правового положения физических лиц в экологических отношениях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06. Минск, 2008. 47 с.
2. Боголюбов С.А. Актуальные проблемы экологического права. М. : Юрайт, 2011. 607 с.
3. Махонько Н.И. Эколого-правовой статус и защита экологических прав человека в России и за рубежом // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания : материалы III Всерос. науч.-практ. форума и I Шк. Интерэкоправа, 2012. С. 448–450.
4. Рогожкина Т.В. Значение верного определения предмета экологического права для повышения эффективности нормотворческой деятельности в экологической сфере // Направления совершенствования нормотворческой деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2013 г. / М-во юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: А.Н. Бодак (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 64–67.
5. Князькин А.Д. Жизнь и здоровье человека как объекты экологических правонарушений: теоретический аспект // Законность и правопорядок в соврем. о-ве. 2012. № 9. С. 214–220.
6. Валитов И.О., Валитов О.К. Право человека на экологическую безопасность, Вестн. Башкир. ун-та. 2014. Т. 19, № 4. С. 1565–1570.
7. Пономарев М.В. Человек как субъект и объект экологических правоотношений // Журн. рос. права. 2016. № 1. С. 147–153.
8. Рогожкина Т.В. О правовом значении нормативов качества окружающей среды и их закреплении в законодательстве // Юстыцья Беларусі. 2012. № 6. С. 49–52.
9. Насекина А.Г. Категория благоприятности окружающей среды в российском экологическом праве // Охрана окружающей среды: прошлое, настоящее, будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. для студентов, аспирантов, магистрантов и молодых ученых / М-во образования и науки РФ ; отв. ред. А.В. Захаров. Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 32–37.
10. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1. М. : Статут, 2010. 429 с.
11. Loifédéralesur la protection de l'environnement du 7 octobre 1983 [Ressource électronique] / Le Conseil fédéral. Mode d'accès : <http://www.admin.ch> (date d'accès: 22.02.2019).